

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Николай Мурашкин

**Консерватизм, традиции,
заимствования и японская
модернизация:
Роль интеллектуалов
и основных направлений
общественной мысли**

Препринт М-95/23

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2023

М91 Мурашкин Н. Ю.

Консерватизм, традиции, заимствования и японская модернизация: Роль интеллектуалов и основных направлений общественной мысли / Николай Мурашкин : Препринт М-95/23. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023. — 44 с. — (Серия препринтов; М-95/23; Центр исследований модернизации).

В препринте рассматривается несколько аспектов интеллектуально-политической жизни Японии XIX в., проливающих свет на взаимодействие консервативной мысли и философии иностранных заимствований в ходе модернизации эпохи Мэйдзи. Первый из таких аспектов — роль разного рода традиционалистских идей и течений в преддверии реставрации Мэйдзи и в ходе ее преобразований. В препринте выделяется несколько ключевых мыслителей и государственных деятелей, описываются интеллектуальные и политические связи между ними и делается попытку проследить как схематическую генеалогию основных идей, так и их претворение в практической плоскости модернизационных реформ на конкретных примерах. В частности, речь идет о наследии и влиянии следующих идейных течений: Школы национальных наук (*кокугаку*), философской школы Мито (*митогаку*), находившейся под воздействием как кокугаку, так и японского неоконфуцианства и некоторых других течений, — а также их взаимодействие с изучением западных знаний (*ёгаку*), на раннем этапе известных как «голландская наука» (*рангаку*), в середине — второй половине XIX в., то есть в период заката сёгуната Токугава (*бакумацу*), и в последующее правление императора Мэйдзи. Вторым таким аспектом является освещение роли философии дзэнсинсюги, иногда называемой «градуализмом», возникавшей на разных этапах развития современного японского государства со времен эпохи Мэйдзи и до наших дней.

Информация об авторе: Мурашкин Николай Юрьевич, PhD, исследователь истории японской модернизации и внешней политики.

Введение

Одной из наиболее известных черт японской модернизации, а впоследствии и частью имиджа современной Японии как таковой стало совмещение передовых заимствований из-за рубежа с традиционной культурой страны. В визуальном ряду туристических и репортажных публикаций о Японии этот лейтмотив часто отражается в сюжетах, где современные японцы — кто в кимоно, кто в деловом костюме, кто в куртке-«косухе» и с яркой прической, а кто и вовсе в трудноописуемом облике — показаны на фоне древних храмов, небоскребов, высокоскоростных поездов «синкансэн» и рикш. В истории идей и интеллектуальных веяний наиболее известным принципом, емко резюмирующим — а впоследствии и рекламирующим — японский подход к модернизационным преобразованиям, стало выражение *вакон ёсай*, означающее «японский дух, западное знание», или «японский дух, европейская наука» и тесно ассоциирующееся с духом преобразований эпохи Мэйдзи (1868–1912)¹.

Примечательно, что готовность к прагматичному внедрению иностранных институтов и технологий иногда соседствовала и пересекалась в истории японской модернизации с резкой критикой и отторжением западного влияния, причем иногда даже в размышлениях одних и тех же деятелей, тем самым показывая сложность и противоречивость, неоднозначность их интеллектуальной картины мира². Как указывали различные исследователи, особенность преобразований эпохи Мэйдзи состояла

¹ В этой работе японские имена собственные не склоняются, при упоминании лиц фамилия идет перед именем. Автор выражает благодарность за консультации следующим экспертам: Амацу Куниаки, Мацуда Коитиро, Ю. Д. Михайловой, В. Э. Молодякову и Тамамото Масару.

² В отношении преобразований эпохи Мэйдзи в литературе употребляется как термин «революция», так и «реставрация». *Мурашкин Н. Ю.* От Эдо к Мэйдзи: предпосылки, развилки и парадоксы японской модернизации. Препринт М-86/21. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

в значительном влиянии консервативной мысли: от характеристики «Мэйдзи-исин» как «консервативной революции» до указания на консерватизм и традиционализм многих реформаторов³. Вместе с тем сочетание прагматики с японским консерватизмом образца второй половины XIX в. не помешало Японии впоследствии стать, по сути, первой страной, превратившейся из «полуразвитой», «полуцивилизованной» (если ссылаться на термины мэйдзийского просветителя и общественного деятеля Фукудзавы Юкити) в развитую (если использовать современную терминологию)⁴ и догнавшей по уровню социально-экономического развития западные государства.

Парадоксы идеи «японский дух — западная наука» становятся заметны уже на этапе попыток определения ее авторства. Если формулирование принципа-прототипа почти тысячелетней давности *вакон кансай* («японский дух — китайская наука») иногда приписывается поэту и государственному деятелю IX в. Сугавара Митидзанэ⁵, то у более близкого к нам по времени *вакон ёсай* не выделяется единственного исходного источника — речь скорее идет о плеяде «разработчиков», внесших свой вклад в интерпретации идеи, включая альтернативные друг другу. Среди приложивших руку к развитию концепций в духе *вакон ёсай* называются такие разные по типу интеллектуального багажа люди, как изначально конфуцианские мыслители со значительными познаниями о западном мире Сакума Сёдзан (1811–1864) и Ёкои Сёнан (1809–1869)⁶,

³ Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Восточная литература, 1999; Swale A. D. The Meiji Restoration: Monarchism, Mass Communication and Conservative Revolution. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

⁴ Fukuzawa Y. An Outline of a Theory of Civilization / transl. by D. A. Dilworth, G. C. Hurst III. New York: Columbia University Press, 2009. P. 17–21; Matanle P., Rausch A. S. Japan's Shrinking Regions in the 21st Century: Contemporary Responses to Depopulation and Socioeconomic Decline. Amherst, NY: Cambria Press, 2011. P. 423.

⁵ Wachutka M. Kokugaku in Meiji-period Japan: The Modern Transformation of 'National Learning' and the Formation of Scholarly Societies. Leiden: Brill, 2013. P. 48. Точность приписывания авторства термина Сугавара остается предметом научной дискуссии.

⁶ Swale A. D. The Meiji Restoration. P. 14; Молодяков В. Э. Консервативная революция Мэйдзи исин и модернизация Японии // Япония: опыт модернизации. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 81; Герасимова М. П. Диада «литература/общество» в контексте модернизации // Япония: опыт модернизации. С. 266; Верисоцкая Е. В. Идеиные предпосылки агрессивной политики японского империализма (Из истории учений японских идеологов 40–60-х годов XIX в.) // Япония: Экономика, политика, история. М.: Наука, 1989. С. 256.

малоизвестный представитель философии *кокугаку* Киккава Тадаюки (1799–1864)⁷; кроме того, в контексте идей *вакон ёсай* иногда упоминаются просветитель Фукудзава Юкити (1835–1901) и ставший учителем многих деятелей эпохи Мэйдзи Ёсида Сёин (1830–1859)⁸. Соглашаясь с тезисом В. Э. Молодякова, характеризующим *вакон ёсай* как найденную японцами «золотую середину»⁹, следует подчеркнуть, что в плане идейных предпочтений мыслители, разделявшие принцип «японский дух — западная наука», относились к разным лагерям, а не только к консервативному или западническому. Принцип *вакон ёсай*, таким образом, стал своего рода «равнодействующей», а не «реакционным» контртезисом, а сторонники консервативных и традиционалистских идеологических течений входили в число основных реформаторов и модернизаторов эпохи Мэйдзи. При этом означенные направления общественной мысли развивались не герметично, не изолированно друг от друга, а активно, регулярно и динамично взаимодействовали, результативая в реформах *Мэйдзи исин* и отзываясь в последующих эпохах.

Как это получилось? О каких разновидностях и коннотациях консерватизма идет речь: выражаясь образно, о «консервации», о «консервативном вмешательстве» или чем-то еще? Совмещали ли японцы эпох Эдо и Мэйдзи иностранные нововведения с сохранением и (пере)изобретением традиций, и если да, то как именно?¹⁰ Что предлагалось сохранять в рамках модернизации? Какого рода философские и политические идеи царили в голове у японских модернизаторов и как это мировоззрение влияло на их политику преобразований, пройдя путь от неприятия западной цивилизации до выборочного, но стремительного заимствования различных ее элементов? Какое взаимодействие каких именно идей создало интеллектуальный фон, при котором, казалось бы, номинально одни

⁷ *Ватанабэ Ц.* Киккава Тадаюки и Тадаюсу // Акита дайхяккадзитэн (Энциклопедический словарь Акита). Акита: Сакигакэ Симпоса, 1981; Киккава Тадаюки // Нихон дай хяккадзэнсё (Энциклопедия Ниппоника). Токио: Сёгаккан, 1994–1997 (<https://kotobank.jp/word/%E5%90%89%E5%B7%9D%E5%BF%A0%E8%A1%8C-1069647>).

⁸ *Swale A. D.* The Meiji Restoration. P. 14–15, 32.

⁹ *Молодяков В. Э.* Консервативная революция Мэйдзи исин и модернизация Японии. С. 81.

¹⁰ Подробный анализ *кокугаку* через призму концепции «изобретенной традиции» см., например: *Михайлова Ю. Д.* Мотоори Норинага и японская национальная идея: изобретение или реальность? // Восток-Oriens. 1995. № 46. С. 59–70; *Burns S. L.* Before the Nation: Kokugaku and the Imagining of Community in Early Modern Japan. Durham, NC: Duke University Press, 2003.

традиционалисты и консерваторы (противники сёгуната) свергли консервативных сторонников другой традиции (идеологически опиравшееся на неоконфуцианство правительство Токугава), при этом сами сначала вроде бы выступая за закрытие страны и «изгнание варваров», а придя к власти, перешли к политике налаживания связей с внешним миром, модернизации и заимствования институтов у «варваров»?

Напомним основную суть переломных событий при смене власти в Японии середины XIX в. с сёгуната Токугава на императорское правление. В конце XVIII — начале XIX в. сёгунат переживал системный внутренний кризис и нарастающее общественное недовольство, при этом предпринимал неудачные попытки реформ. В 1853–1854 гг. США и европейские державы потребовали от Японии открытия страны для дипломатических сношений и торговли и заключения неравноправных договоров, угрожая применить военную силу, сопротивляться которой Япония не была в состоянии. Оказавшись перед тяжелым выбором, сёгунское правительство *бакуфу* предприняло необычные меры — обратилось к императорскому двору за советом о дальнейшем направлении внешней политики. Сёгун рассчитывал, что император, как и прежде, предоставит ему свободу действовать на свое усмотрение. Однако императорский двор высказался за продолжение традиционной политики самоизоляции, тогда как *бакуфу* выступало за «открытие» Японии. В частности, после долгих дискуссий старший чиновник сёгунского правительства Ии Наосукэ подписал в 1858 г. торговый договор с представителем США Таунсендом Харрисом без согласия императора. В итоге сторонники императора истолковали неспособность *бакуфу* оказать сопротивление западным державам как проявление непочтительного отношения к императору со стороны Токугава и восприняли это как легитимное основание для свержения сёгуната и восстановления императорского правления¹¹. Эскалация постепенно привела к вооруженному конфликту, известному как война Босин (1868–1869 гг.), где среди противников сёгуната важную роль сыграли последователи движения *сонно дзёи* — «почитание императора — изгнание варваров». После реставрации монаршей власти (*осэй фукко*) новое правительство вместо самоизоляции не только продолжило, но и активизировало намечавшийся при сёгунате курс на открытие страны и модернизацию с существенными заимствова-

¹¹ Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество (из истории общественной мысли Японии XVIII в.). М.: Наука, 1988. С. 155.; Jansen M. B. The Making of Modern Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. P. 281–284.

ниями западных технологий и институтов, при этом параллельно стремясь пересмотреть неравноправные договоры с западными державами.

Чтобы попытаться дать ответы на обозначенные выше вопросы, в настоящем докладе рассматривается несколько избранных аспектов интеллектуально-политической жизни Японии, проливающих свет на данную тематику. Первый из таких аспектов — роль разного рода традиционалистских идей и течений в преддверии реставрации Мэйдзи и в ходе ее преобразований. В докладе выделяются несколько ключевых мыслителей и государственных деятелей, описываются интеллектуальные и политические связи между ними и делается попытка проследить как схематическую генеалогию основных идей, так и их претворение в практической плоскости модернизационных реформ на конкретных примерах. В частности, речь идет о наследии и влиянии следующих идейных течений: Школы национальных наук (*кокугаку*), философской школы Мито (*митогаку*), находившейся под воздействием как *кокугаку*, так и японского неоконфуцианства и некоторых других течений, — а также их взаимодействия с изучением западных знаний (*ёгаку*), на раннем этапе известных как «голландская наука» (*рангаку*), в середине — второй половине XIX в., то есть в период заката сёгуната Токугава, известный как *бакумацу*, и в последующее правление императора Мэйдзи. Вторым таким аспектом является освещение роли философии *дзэнсинсюги* (漸進主義) — постепенных, а не поспешных или избыточно радикальных реформ, иногда называемых «градуализм», — возникавшей на разных этапах развития современного японского государства со времен эпохи Мэйдзи и до наших дней.

Источниковую базу данного исследования составляют российские, японские и различные англоязычные первичные и в основном вторичные источники — научные исторические работы, сведение отдельных аспектов которых воедино позволяет получить более целостное представление о вышеуказанной взаимосвязи консерватизма и прагматизма среди интеллектуалов и государственных деятелей Японии. Поскольку жизненный путь и результаты деятельности многих из рассматриваемых исторических личностей сами по себе широко изучены в русскоязычной историографии, востоковедческой и религиоведческой литературе и частично в литературе об исследованиях модернизации¹², а некоторые

¹² См., например: *Балаян А. А.* Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции, Японии и Польши. Препринт М-07/09. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

другие персоналии освещены менее ярко или подробно, нас интересует прежде всего увязка их деятельности и интеллектуального наследия с модернизацией Страны восходящего солнца в вышеозначенном контексте. Структура работы построена следующим образом: вниманию читателя предлагается краткое описание и «генеалогия» истоков, основных идей и представителей вышеупомянутых течений с некоторыми примерами их влияния на этапе модернизации — как в эпоху преобразований Мэйдзи, так и в дальнейшем, а некоторые особо важные примеры взаимодействия сразу нескольких философий при формировании тех или иных институтов или направлений политики рассматриваются отдельно более подробно.

Школа национальных наук *кокугаку* и *Мэйдзи исин*

Как известно, исторически Китай для средневековой Японии являлся важнейшим источником культурного влияния. В I тысячелетии н. э. из Китая (через Корею) в Японию пришли письменность, конфуцианство, буддизм, элементы законотворческой мысли и другие «блага цивилизации», включая технологии и ремесла. Таким образом, Япония уже на раннем этапе своей истории получила опыт если не сказать «протомодернизации» (что было бы анахронизмом), то иностранных заимствований и их адаптации с целью собственного развития. Хотя к началу раннего Нового времени связи Японии с Китаем давно приобрели более прагматичный характер, заключаясь во многом в торговле, правление сёгуната Токугава (1600–1867 гг.) опиралось на японскую версию неоконфуцианства как политическую идеологию, а образованные самураи благодаря изучению *кангаку* («китайских исследований») были знакомы с конфуцианским Пятикнижием и четырьмя классическими романами китайской литературы, а также китайскими историческими летописями, и изучали живопись *нанга*, восходящую к китайской культуре. Японские неоконфуцианские мыслители, такие как Хаяси Радзан (1583–1657), опираясь на идеи учения китайского неоконфуцианца Чжу Си (1130–1200) и его японского последователя Фудзивара Сэйка (1561–1619), служили сёгунам, помогая легитимировать правление Токугава в сословном обществе и одновременно способствуя некоему совмещению концепций неоконфуцианства с синтоистской теологией на раннем этапе развития идеологии сёгуната. Так, японское общество изображалось как носитель чистых человеческих добродетелей, поощряемых конфуцианством.

Вместе с тем, на протяжении многих столетий входя в ареал распространения китайской культуры наряду с Кореей, Вьетнамом и королевством Рюкю, японцы постепенно стали испытывать сложные чувства в отношении Китая, в конечном итоге развилось чувство противопоставления японской идентичности китайской. Концепция «карагокор» (漢意 «китайский дух»), развитая традиционалистским мыслителем направления *кокугаку* Мотоори Норинага (1730–1801), отражала это восприятие Китая как значимого Другого. Направление общественной мысли, получившее название «Школа национальных наук» (*кокугакуха*), ведущим представителем которой являлся Норинага, критиковало китайское влияние на культуру и государственность Японии и стремилось к освобождению от него за счет утверждения приоритета японского образа существования. Развитие *кокугаку* стало частью процесса становления национального самосознания японцев и подготовило почву для сопротивления давлению западных держав в XVIII в. и для реставрации Мэйдзи¹³.

Основными тенденциями развития японского неоконфуцианства, по мнению социолога Ш. Эйзенштадта, были как уклон в имманентизм и партикуляризм, так и минимизация, ослабление или вынос за скобки трансцендентных направлений, существовавших в классическом конфуцианстве, с упором на различия между миром трансцендентного и миром природы. В японском неоконфуцианстве за счет отхода от идей метафизического, трансцендентального направлений классического конфуцианства и Мэн-цзы оформилось движение в сторону имманентности, где природа занимала более самостоятельное положение, иногда даже в сакральном смысле, и должна была восприниматься сама по себе. Сначала в интеллектуальном дискурсе эпохи Токугава оформились контуры, совмещающие темы конфуцианства, буддизма и синто. Затем в XVIII в. параллельно с ростом городского населения возрастал общественный интерес к этим дискуссиям и намечался разрыв между неоконфуцианством и традиционалистским направлением, ставшим известным как Школа национальных наук, или *кокугакуха*. В поздний период существования сёгуната Токугава, в конце XVIII — начале XIX в., интеллектуальный раскол стал напрямую связан с социально-экономической нестабильностью и протестными движениями¹⁴.

¹³ Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага. С. 142; Молодяков В. Э. Консервативная революция. С. 53–74.

¹⁴ Eisenstadt S. N. Japanese Civilization: A Comparative View. Chicago: The University of Chicago Press, 1996. P. 242–244.

В XVIII в. основными фигурами, развивавшими оппозицию неоконфуцианству и «китайщине» в рамках идей Школы национальных наук, были ученые Кэйтю-хоси (1640–1701), Када Адзумамамаро (1669–1736), Камо Мабути (1697–1769) и уже упомянутый выше Мотоори Норинага. Поначалу термин *кокугаку* (национальные науки) употреблялся как синоним *сингаку* — изучения основ синто, а затем изучение древней японской литературы постепенно соединилось с исследованиями синто, дав начало понятию *кокугаку* как противоположности *кангаку* (китайских наук)¹⁵. Представители *кокугаку* вели исследования древних японских текстов и собраний стихотворений («Манъёсю», «Кодзики», «Нихонсёки» и т. д.), постепенно в рамках текстологии и комментирования развивая интерес к поиску «японскости», некоей сути японского характера и культуры. Они, особенно начиная с Норинага, превозносили уникальность японского пути, в конечном счете заключающегося в особенностях японского народа¹⁶. Акцент на особенности японского пути стал отчетливо связан с отрицанием других «путей» — в частности, «китайского пути», который способствовал «замутнению» японского пути за счет внешнего влияния конфуцианства и буддизма. В результате *кокугаку* стимулировало интерес к распространению широких и интенсивных занятий исследованиями, особенно филологическими, вышеупомянутых классических японских текстов. Целью этих занятий являлось отделение изначальных, чистых японских сути и смысла от наслоившихся философских примесей извне, конфуцианских и буддийских¹⁷.

Как отмечает Ю. Михайлова, основателем Школы национальных наук принято считать Када Адзумамамаро, поскольку он разработал программу деятельности будущей школы и первым стал осознавать свое учение как новое направление общественной мысли, основанное на противопоставлении японского китайскому. Адзумамамаро призывал к изучению памятников древнеяпонской литературы, считая, что в них можно было узнать о синтоистских традициях, нравах и обычаях древней Японии — а это, в свою очередь, составляло содержание «древнего пути» (*кодо*) Японии, отличного от конфуцианства и буддизма. Адзумамамаро указывал, что суть этого пути надо искать в синтоистских мифах, а со-

¹⁵ Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага. С. 149.

¹⁶ *Кокугаку* было не единственным учением такого рода: существовало также, например, направление *кокусуйсюги*, выступавшее за приверженность особенностям и традициям Японии и их превознесение.

¹⁷ Eisenstadt S. N. Japanese Civilization. P. 242–244.

держание его учения было развито последователями: Камо Мабути и Мотоори Норинага¹⁸. В частности, Норинага обозначил основные теоретические постулаты *кокугаку*: утверждение о сотворении мира богами, отрицание правомерности — китайских — логоцентрических (по выражению Ш. Эйзенштадта) теорий, созданных человеком в пользу чувственно-интуитивного метода познания. Норинага сформулировал концепцию *моно-но аварэ* («печальное очарование вещей»), означающую возможность человека устанавливать эмоциональный контакт с миром. Природу человека Норинага рассматривал как данную богами, а главную особенность японского национального характера видел в благоговении перед императором — напомним, в тогдашней сёгунской Японии и в предыдущие исторические эпохи император служил первосвященником синто и считался потомком богов. Признавая на раннем этапе своей карьеры конфуцианство пригодным для управления обществом, впоследствии Норинага стал создавать свое учение: «Путь богов». В природе человека, по мнению Норинага, заключалось взаимопонимание и эмоциональное единство естественно и добровольно подчиняющегося властям народа и правителей, заботящихся о народе. При этом Норинага отвергал концепцию почитания императора, основанную на конфуцианской идее добродетельного монарха, вместо этого утверждая вечность и неизблемость единой и непрерывной династии японских императоров¹⁹ (*бансэй иккэй*).

На зкате же сёгунского правления и в эпоху Мэйдзи популярностью за пределами самурайского сословия²⁰ и все большим смещением в область государственного управления и политики учение *кокугаку* было обязано последователям Норинага — особенно Хирата Ацутанэ (1776–1843) и его зятю и преемнику Хирата Канэтанэ (1799–1880), обладавшему недюжинными организаторскими способностями²¹. Ученые расходятся в оценке количества последователей школы *кокугаку* Хирата, однако порядок цифр дается на уровне нескольких тысяч человек. Число учеников самого Ацутанэ достигало 553 на момент его смерти в 1843 г., а на начало 1860-х составляло уже как минимум 1330 человек. В совокупно-

¹⁸ Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага. С. 37–40.

¹⁹ Там же. С. 142–146.

²⁰ Напомним, доля самурайского сословия в населении Японии середины XIX в. составляла около 7 %.

²¹ Молодяков В. Э. Непрошедшее прошлое. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 41–42.

сти, по состоянию на 1876 г., итоговое число учеников школы Хирата насчитывало 4283 человека²². Школа достигла максимального развития при Канэтанэ, то есть в годы *бакумацу* и эпоху Мэйдзи, а в 1868 г. — году реставрации — был принят 981 ученик. Тогда же синтоистская доктрина Ацутанэ (так называемое *Хирата Синто*) была провозглашена государственной религией Японии и осталась в таком качестве до 1945 г.²³

Важными особенностями *кокугаку* стало постепенное изменение характера учения с аполитического на политизированный и совмещение прагматичности подхода с возрастающим японоцентризмом, появившиеся при Хирата Ацутанэ. В. Э. Молодяков следующим образом резюмирует эти особенности, рассуждая в том числе в терминах теорий В. Парето: существенной «новацией Хирата была окончательная политизация учения *кокугаку*: подчеркивая свою лояльность режиму сёгуната, он сначала пытался заинтересовать власти своими теориями, а после неудачи подобных попыток начал осторожно проводить идеи “восстановления” императорской власти, за что подвергался преследованиям. Он же придавал большое значение количественному росту и консолидации рядов своих учеников, стремясь превратить школу в идейный и духовный авангард растущей контрэллиты»²⁴. Дело Ацутанэ завершил его зять и названный сын Канэтанэ, переживший *Мэйдзи исин* и сыгравший определенную роль в ее подготовке. Ацутанэ же, согласно мнению Молодякова, «придал доктринам школы этнократический характер, хотя национальная ограниченность уживалась в его учении с прагматизмом. Это позволило ему не только сделать свои идеи популярными, но и превратить их в мощный фактор духовного, а затем и политического воздействия»²⁵. Идеи *кокугаку*, призывавшие под многолетними наслоениями чужеземных влияний отыскать свое, чисто японское, сыграли роль «непосредственной идеологической предтечи реставрации императорской власти» 1868 г. в виде возрожденного из древности синто (*фукко синто*)²⁶.

Отрицание конфуцианского и буддийского путей времен Нориана постепенно стало трансформироваться в утверждение «Древнего пути» как некоей положительной нормы при Хирата: исторические факты бо-

²² Wachutka M. Kokugaku in Meiji-period Japan. P. 48.

²³ Михайлова Ю. Д. Мотоори Нориана. С. 155.

²⁴ Молодяков В. Э. Непрошедшее прошлое. С. 41–42.

²⁵ Там же.

²⁶ Накорчевский А. А. Синто. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003. С. 361.

лее не воспринимались как таковые сами по себе, а были подвергнуты критике с позиций «Древнего пути». Политическая деятельность некоторых последователей Хирата в эпоху Мэйдзи логически проистекала из этих перемен, однако эти же переменны привели к утрачиванию *кокугаку* своего исследовательского характера и аполитичности, на ранних этапах сопутствовавшей позитивистскому и объективистскому духу Школы национальных наук²⁷. При этом и Норинага, и сам Ацутанэ не оспаривали политическую легитимность сёгунской власти. Ацутанэ считал делегированность полномочий от императора к бакуфу и от бакуфу к даймё вечной политической системой. Историк философии и общественной мысли Маруяма Масао отмечает следующий парадокс: именно потому, что Школа национальных наук большую часть своего существования была аполитичной (ее отношение к феодальному обществу было сформулировано с аполитичных позиций), она смогла в итоге обрести политическое значение. И этот же аполитичный характер долгое время предотвращал кокугаку от превращения в революционную идеологию и ограничивал политически консервативную функцию²⁸.

Впоследствии сложившееся на основе идей *кокугаку* движение *фукко* (возрождение древности), в частности концепция *осэй фукко* (ре-ставрация императорского правления), на практике означало освобождение от китайского и конфуцианского влияния. Однако важно здесь отметить прагматичность этого подхода во времена Хирата Ацутанэ. Синтоистский упор на рождение (а не созидание) нес с собой такие принципы, как витализм, принятие и прагматизм. Хирата Ацутанэ был готов приспособить на нужды японской традиции все, что могло оказаться полезным в других традициях, и заявить ее права на это. Восхваление древности напоминало о японских заимствованиях из прошлого в той древности (см. вышеупомянутый принцип «японский дух — китайская наука»): было популярно мнение, что японские предки, возможно, переусердствовали, полагаясь на культуру, привезенную с континента, но без колебаний ухватились за то, что было полезным и практичным. Аналогично можно было оправдать и иностранные заимствования в XIX в.²⁹ Кроме того, в том, что касается теологии, Хирата Ацутанэ

²⁷ *Maruyama M.* Studies in the Intellectual History of Tokugawa Japan / transl. by M. Hane. Tokyo: University of Tokyo Press, 1974. P. 175–176.

²⁸ *Ibid.* P. 266–267.

²⁹ *Jansen M. B.* The Making of Modern Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. P. 458.

внедрил в древнее синто по сути христианскую концепцию созидающего божества, при этом опираясь на идеи Нориана о превалировании самих фигур богов и мудрецов над идеями, приписываемыми им. В частности, Хирата писал: «...этот Бог вне времени и, конечно, создал небо и землю и все остальное по божественному разумению. Так же, как и основатель правления становится государем соответствующей страны, так и Он властвует безраздельно»³⁰. Как и многие другие японские мыслители того времени, Ацутанэ имел представление о западных науках и сам активно интересовался западными учениями³¹.

В этом контексте среди современников и, возможно, учеников и последователей Хирата имеет смысл также выделить *кокугакуся* (представителя *кокугаку*) Киккава Тадаюки (1799–1864). Киккава, родом из современной префектуры Акита (малой родины и места проживания Хирата Ацутанэ), был исследователем военного дела и боевых искусств, активно изучавшим и преподававшим «национальные науки», географию и астрономию, и в качестве чиновника и деятеля в области образования способствовавшим просвещению в родном регионе. Некоторые исследователи приписывают Киккава участие в разработке идеи «японский дух — западные знания» в эпоху *бакумацу*. В свою очередь, его сын Киккава Тадаясу (1824–1884) поддерживал как идею почитания императора, так и «открытие» Японии в плане внедрения западной науки и военных технологий, а также продвижения новых отраслей промышленности (*сёкусан когё*)³².

Для иллюстрации тезиса о практичности подхода к заимствованиям японовед М. Янсен приводит спор между государственным деятелем Мори Аринори (1847–1889), получившим образование в китайской традиции, а затем изучавшим «западные науки», и китайским лидером Ли Хунчжаном в 1876 г. Ли, с презрением посмотрев на западный костюм Мори, спросил, одевались ли японские предки Мори так же, на что Мори ответил, что те переняли китайскую одежду, но она уже непрактична, а Япония всегда брала лучшее от других цивилизаций для себя, и она делает это снова. Затем Мори напомнил Ли, что до прихода к власти династии Цин предки Ли также не носили официальную одежду, предпри-

³⁰ *Maruyama M.* Studies in the Intellectual History... P. 272.

³¹ *Keene D.* The Japanese Discovery of Europe, 1720–1830. Revised Edition. Redwood City: Stanford University Press, 1969. P. 156–174.

³² *Ватанабэ Ц.* Киккава Тадаюки и Тадаясу // Акита дайхяккадзитэн ; Киккава Тадаюки // Нихон дай хяккадзэнсё.

санную маньчжурскими завоевателями — таким образом, Япония, по крайней мере, как бы делала свой самостоятельный выбор³³.

Здесь следует уточнить, что, с одной стороны, Мори Аринори к последователям *кокугаку* не принадлежал и относился к числу наиболее положительно настроенных к заимствованиям у Запада японских лидеров, проучившись три года в Англии и США, входя наряду с другими единомышленниками в этой области — например, Фукудзава Юкити, Ниси Аманэ (1829–1896), Цуда Мамити (1829–1909) — в просветительское общество «Мэйрокуся». С другой стороны, как отмечает А. Суэйл, хотя Мори и стал известным благодаря радикальным инициативам типа придания английскому языку статуса официального, но и его восприятие Запада не было восторженно-некритичным: из США Мори вернулся с настороженным отношением к партийной политике конгрессменов и «злоупотреблением свободой», а не с безграничным энтузиазмом к безоговорочным заимствованиям³⁴.

При Хирата Канэтанэ *кокугаку* школы Хирата стало ведущей силой в движении за реставрацию. Под воздействием активности тех самураев, кто требовал уважения к императору и изгнания варваров, раннее учение об изначальной природе японской древности (*хонгаку*) сменилось — самое позднее к 1855 г. — на изучение национального политического строя (*кокутай-гаку*) и философию действия (*кодогаку*), ориентированные на современное общество³⁵. Роль идей *кокутай* в контексте темы данной работы подробно рассматривается в последующих разделах.

После реставрации Мэйдзи многие представители *кокугаку* получили административные должности в различных государственных органах нового центрального правительства. Так, сам Канэтанэ и еще четверо представителей *кокугаку* были приняты на службу в Бюро внутренних дел (*Найкоку дзимукёку*), некоторые другие работали в финансовом учреждении наподобие Счетной палаты (*Кайкэйкан*), канцелярии председателя совета (*Гёсэйкан*), Бюро иностранных дел (*Гайкокудзимукёку*), Бюро правосудия (*Кэйхокан*). После учреждения министерств часть *кокугакуся* служила в Министерстве по гражданским вопросам (*Минбусё*) и министерстве иностранных дел (*Гаймусё*)³⁶.

³³ Jansen M. B. The Making of Modern Japan. P. 458.

³⁴ Swale A. D. The Meiji Restoration. P. 177.

³⁵ Wachutka M. Kokugaku in Meiji-period Japan. P. 5.

³⁶ Ibid. P. 9.

Японские историки реставрации Мэйдзи расходятся в своей оценке роли, которую представители Школы национальных наук сыграли в свержении *бакуфу* и формировании нового государства. Так, некоторые из них отмечали значительные различия между, с одной стороны, видением Японии как современного государства-нации, принятым некоторыми из отцов-основателей мэйдзийской государственности — Кидо Такаёси и Окубо Тосимити, — и с другой стороны, видением Японии собственно *кокугакуся*³⁷. Часть ученых (например, Ясумару Ёсиро) считали, что новое государственное руководство Мэйдзи попросту использовало таких деятелей, как Хирата Канэтанэ, и его популярное «возрожденное» синто для легитимации создания императорской идеологии, поддерживающей программу новых властей в области институциональных перемен «переучрежденного» государства-нации³⁸. Напротив, противники такой точки зрения (например, Сакамото Корэмару) полагают, что важно не принимать *кокугакуся* за марионеток, и отмечают, что, хотя вовлечение значительного числа представителей Школы национальных наук в центральное правительство и длилось всего несколько лет, появившаяся в *кокугаку* концепция императорской системы вида *сайсэй итти* («единство религиозного ритуала и управления государством») просуществовала до 1945 г. Кроме того, не все *кокугакуся* были настроены на «возвращение к древности», поскольку некоторые из них хотя и обладали знанием древних трудов и были специалистами-текстологами, одновременно хотели применить эти знания к новой общественной среде³⁹.

Вместе с тем разного рода связи с *кокугакуся*, предполагавшие возможное интеллектуальное влияние, имели и поддерживали некоторые государственные деятели самого высокого ранга эпохи Мэйдзи: в частности, сам император и особенно его советники и министры Ивакура Томоми и Кидо Такаёси. Так, что касается императора Муцухито, то в молодости одним из его наставников был Хирата Нобутанэ — внук

³⁷ Burns S. Before the Nation. P. 187–188.

³⁸ Wachutka M. Kokugaku in Meiji-period Japan. P. 9–10.

³⁹ Ясумару Ё. Киндай тэнканки ни окэру сюкё то кокка // Нихон киндай сисо тайкэй. Т. 5: Сюкё то кокка. Токио: Иванами сётэн, 1988. С.501-502; Сакамото К. Мэйдзи сэнэн ни окэру кокугакуся но сэйдзитэки доко — Сайсэй итти кокка но косо о мэгуттэ // Кокугакуин дзасси. Август 1992. № 40. С. 2–3; Сакамото К. Мэйдзи исин то кокугакуся. Токио: Даймэйдо, 1993. С. 16–17. Цит. по: Burns S. Before the Nation. P. 187–188.

(по другой версии — правнук) Хирата Ацутанэ⁴⁰. Под руководством Нобутанэ будущий император Мэйдзи изучал «Нихон сёки» — одну из древнейших японских летописей, датируемую 720 г.н.э.

Особенно же выделялся в плане связей со Школой национальных наук влиятельный придворный сановник и политик аристократического происхождения Ивакура Томоми (1825–1883), занимавший пост правого министра при императоре Мэйдзи. Например, Ивакура, выбирая из различных предложений со стороны ученых-*кокугакуся*, сыграл основную роль в том, что моделью для реставрации Мэйдзи было избрано правление легендарного и полумифического императора Дзимму (711–585 до н. э.), а не реставрация средневекового императора Го-Дайго (1288–1339). Отсылка именно к Дзимму считается доказательством влияния *кокугаку* на раннюю политику эпохи Мэйдзи. *Кокугакуся* присутствовали как в непосредственном окружении Ивакура — среди советников и учителей, а его приемный дед Ивакура Томоми (1778–1853) сам изучал японскую классическую литературу и поэзию, тесно общался с исследователями национальных наук и скорбел об упадке императорского дома, делясь со своим приемным внуком Томоми надеждами на восстановление императорской власти⁴¹.

При этом Ивакура был реалистом. Как известно, впоследствии он возглавил японское «великое посольство», получившее известность как «миссия Ивакура», в рамках которого представительная делегация с членами нового правительства Мэйдзи провела полтора года в Европе (включая Россию) и США с целью пересмотреть неравноправные договоры и параллельно собрать данные о различных институтах, технологиях и образе жизни европейцев и американцев. За политику налаживания отношений с западными «варварами» вместо их изгнания Ивакура и другие лидеры Мэйдзи подверглись критике со стороны некоторых *кокугакуся* — например, Тамамацу Мисао, в итоге подавшего в отставку.

Еще одним видным политиком эпохи Мэйдзи с тесными связями со Школой национальных наук был Кидо Такаёси (1833–1877) — один из трех ключевых государственных деятелей реставрации (наряду с Сайго Такамори и Окубо Тосимити), заместитель главы миссии Ивакура,

⁴⁰ Keene D. Emperor of Japan: Meiji and His World, 1852–1912. New York: Columbia University Press, 2002. P. 189; Меццержков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009. С. 69.

⁴¹ Wachutka M. Kokugaku in Meiji-period Japan. P. 11–13.

в разное время занимавший посты советника императора, министра просвещения и министра внутренних дел. Кидо обучался в школе мыслителя и просветителя Ёсида Сёин (1830–1859), симпатизировавшего идеям движения *сонно дзёи*, — в это движение впоследствии вступил и Кидо. Кидо стал автором книги «Введение в кокугаку», опубликованной в 1869 г. под псевдонимом Сёгику Ёсио. Кроме того, Кидо сыграл одну из важнейших ролей в составлении текста императорской Клятвы из пяти пунктов, отразившей как идеи *кокугаку*, так и настрой на взаимодействие с внешним миром, и организации церемонии, в рамках которой клятва была произнесена, демонстрируя вышеупомянутый принцип *сайсэй итти* («единство религиозного ритуала и управления государством») ⁴². В число достижений Кидо входит разработка реформы чиновничьего аппарата, наряду с ликвидацией феодальных княжеств способствовавшая созданию новой структуры управления, которая больше подходила для централизованного государства.

Таким образом, идеи Школы национальных наук оказали фундаментальное и разностороннее влияние на становление японской государственности после реставрации Мэйдзи. Вместе с тем еще одной из идеологических основ антииностранный и антитокугавского движения и впоследствии идеологии правления Мэйдзи было не только *кокугаку* но и *митогаку* — учение «школы Мито», в частности разработавшее важную концепцию государственного организма — *кокутай*.

Школа Мито: «сплав» кокугаку и неоконфуцианства, идеи кокутай и сонно дзёи

«Школа Мито», особенно на поздних этапах своего существования («поздняя Мито»), традиционно выделяется многими исследователями как один из важнейших источников идеологического влияния на самураев и представителей других сословий, перешедших в оппозицию к сёгунскому правительству и способствовавших реставрации Мэйдзи. При этом «школа Мито» опиралась как на наследие *кокугаку*, так и на конфуцианские идеи, демонстрируя склонность к монархизму и японоцентризму. «Школа Мито» получила название по месту своего форми-

⁴² *Wachutka M.* Kokugaku in Meiji-period Japan. P. 52–53. Подробнее различные составляющие Клятвы из пяти пунктов рассматриваются ниже — в разделе, посвященном конфуцианскому мыслителю Ёкои Сёнан.

рования (провинция Мито в современной нам префектуре Ибараки, на тот момент управлявшаяся *симпан-даймё* — феодалами из семьи Токугава) и была «менее оригинальной в философском отношении», нежели Школа национальных наук, но «столь же контрэлитарной и более политически активной», по наблюдению В. Молодякова⁴³. Как отмечает ученый Кимура Такаси, один из лидеров «школы Мито» конфуцианский мыслитель Фудзита Токо (1806–1855) сам находился под влиянием идей вышеупомянутого Мотоори Норинага, одного из основателей Школы национальных наук. Фудзита способствовал распространению концепции *синсю* (Японии как страны, находящейся под покровительством богов), где рассуждал о величии концепции *кокутай*, под которой он понимал прежде всего «особенные японские нравы и обычаи»⁴⁴. Фудзита родился в знатной самурайской семье, в 1827 г. сменив своего отца на посту директора *Сёкокан*, института по составлению истории феодального княжества Мито — как уже было упомянуто, удела, напрямую связанного с семьей Токугава. В плане влияния на практическую политику Фудзита известен тем, что помог даймё Токугава Нариаки добиться успеха в качестве главы княжества Мито в 1829 г., а два года спустя сопровождал его в Эдо, где посоветовал сёгунату укреплять оборону Японии и запретить любого рода отношения с иностранными державами, включая торговлю.

Такие взгляды предшествовали антитокугавскому движению *сонно дзёи* («почитание императора, изгнание варваров»). Это движение прошло через стадии *кобу гаттай* (компромисса между императором и сёгунатом) и *тобаку* (свержения бакуфу). Каждая из этих стадий имела свою социальную базу и своих идеологов. Учение «школы Мито» значительно повлияло на мировоззрение радикально настроенного самурайства 1840–1860-х гг., в первую очередь на таких наиболее влиятельных и популярных идеологов этой части общества, как поэт и военный специалист Сакума Сёдзан (1811–1864), его ученик Ёсида Сёин (1830–1859), мыслитель и государственный деятель Екои Сёнан (1809–1869), речь о которых пойдет ниже. При этом Сакума и Ёкои и — в существенно мень-

⁴³ Молодяков В. Э. Непрошедшее прошлое. С. 45–46.

⁴⁴ Kimura T. Premodern Ideas “kokutai” as Essential Elements of Modernization in Japanese Historical Process // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. № 11 (4). Р. 467 (<https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.404>).

шей степени — Ёсида Сёин стали значительными сторонниками заимствования опыта и знаний у западных держав⁴⁵.

Основную роль в «школе Мито» играл мыслитель Аидзава Сэйдзисай (1782–1863), автор трактата *Синрон* (Новая теория), подробно разрабатывавший концепцию *кокутай*, впоследствии ставшей одной из основ государственности *Мэйдзи исин*. Дословно *кокутай* означает «тело государства», среди русскоязычных вариантов перевода этого труднопереводимого понятия можно выделить варианты «национальная сущность» или «сущность государства» и «государственный организм», предложенный Молодяковым. Как показывает Молодяков, в первой половине XIX в. данная концепция стала основой философии «школы Мито», а впоследствии — «официальной идеологической и правовой доктриной мэйдзийской Японии»⁴⁶. Формально конфуцианская, но впитавшая многое из синто и философии *кокугаку*, «школа Мито» служит примером синтеза двух основных идейных тенденций позднетокугавской эпохи. Согласно Молодякову, идея *кокутай* означала «специфически японскую государственную общность, объединяющую императора (первосвященника синто и сакрального вождя), японский народ (потомков божества Амагэрасу-омиками) и собственно Японские острова (творение других божеств Идзанаги и Идзанами), мир живой природы вне богов и людей, поскольку принципиально не-живой природы в синто нет, как и в большинстве восточных традиций»⁴⁷. В этом плане идеи Аидзава перекликались с идеями *кокугаку*. В *Синрон* Аидзава писал о священности *кокутай* как национальной политики, описывал ситуацию в мире и политику завоевания Азии, проводимую западными странами, а затем обсуждал вопросы обороны Японии от этих держав в краткосрочном и долгосрочном порядке. Аидзава критиковал идеи *фукоку кёхэй* («богатая страна — сильная армия») и голландские науки, считая слабостью японцев отсутствие руководящих принципов, что делало бы их легкой добычей для идеологии иностранцев⁴⁸.

Хотя в рамках данной работы не представляется возможным подробно сосредоточиться на поиске аналогов идеи *кокутай* в европейской политической философии, для будущих исследований можно было бы предложить провести некоторые параллели между теорией *кокутай*

⁴⁵ Верисоцкая Е. В. Идеиные предпосылки агрессивной политики... С. 255–261.

⁴⁶ Молодяков В. Э. Непрошедшее прошлое. С. 45–46.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ *Maryuama M. Studies in the Intellectual History...* P. 354–355.

и западными идеями субъектности и политической роли народа, в свою очередь связанных с концепциями политической нации или гражданской нации в суверенных национальных государствах Нового времени⁴⁹.

По мнению Кимура Такаси, японцы стали политической, «модерной» нацией (*кокумин*) в конце XIX в., перед Японо-китайской войной 1894–1895 гг. Эту точку зрения представляется важным соотнести с тезисом, выдвигаемым историком Кавасима Син, согласно которому об успехе японской модернизации и ее становлении как ориентира для модернизации других азиатских стран стало возможно говорить не раньше конца XIX в., а то и после побед Японии в Японо-китайской войне и Русско-японской войне 1904–1905 гг.⁵⁰

Японские «почвенники», «нативисты» или...?

Перед тем как перейти к рассмотрению интеллектуального взаимодействия *кокугаку* и *митогаку* со сторонниками идей открытия Японии и изучения западного опыта, кратко остановимся на вопросе о проведении параллелей между вышеописанной японской консервативной и традиционалистской мыслью середины XIX в. и современными ей российскими идейными течениями. В русскоязычном японоведении есть примеры как характеристики представителей *кокугакуха* в качестве «почвенников»⁵¹, так и отсутствия прямой параллели с российскими «почвенниками»⁵². В первом случае представляется, что термин «почвенники» используется как некий собирательный образ для облегчения ознакомления российской аудитории с японскими историческими реали-

⁴⁹ См., например, концепцию «спящего суверена» Ричарда Така, основанную на идеях и полемике Ж. Бодена, Т. Гоббса, Г. Гроция и С. Пуфендорфа: *Tuck R. The Sleeping Sovereign: The Invention of Modern Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 63–120* (<https://doi.org/10.1017/CBO9781316417782.003>). Еще одну параллель можно провести между *кокутай* и прусской «органической теорией государства».

⁵⁰ *Kawashima S. Prologue // Kokubun R., Soeya Y., Takahara A., Kawashima S. Japan — China Relations in the Modern Era. Abingdon: Routledge, 2017. P. 4.*

⁵¹ См., например: *Мецержаков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония; Скворцова Е. Л. Западный ветер перемен в Стране восходящего солнца // Человек. 2017. № 4. С. 52–66; Скворцова Е. Л. Японская национальная культура и японская идентичность в работах философов XX в. // Восток (Oriens). 2015. № 4. С. 85–95.*

⁵² *Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии.*

ями, нежели чем прямое, попунктное аналитическое сопоставление с конкретным идейным движением почвенничества в России, каковое сопоставление потребовало бы отдельного обоснования.

Схожее использование этого термина встречается и у исследователей, отрицающих характеризацию антииностранный движения в Японии как «почвенников». Описывая политику самоизоляции Японии и последовавшее в качестве реакции на неравноправные договоры движение *сонно дзэи*, возникшее под влиянием идей *митогаку* (в свою очередь вобравших в себя многое из *кокугаку*), К. О. Саркисов отмечает:

«В свое же время христианство стало причиной самоизоляции Японии с первой половины 17 века. Но случилось это не из-за доктринального неприятия, а из-за боязни, что вслед за католическими проповедниками придут марширующие иностранные солдаты. Стремление изолироваться от внешнего влияния было естественным для островного государства, опасавшегося внешних сил, способных разорить страну. Но это не было ксенофобией или “почвенничеством”. Об этом свидетельствует история движения *сонно дзэи* («уважать императора, изгнать варваров-иностранцев»). Открывшее страну в 1854 г. под внешним давлением правительство бакуфу (во главе с Ии Наосукэ) при сёгуне Иэмоти подписало с США Договор о дружбе и торговле, первый из череды неравноправных договоров. Церемония подписания прошла 29 июля 1858 г. на палубе военного корабля “Поухатан” на рейде Иокогама, что подчеркивало неравноправный характер навязанного документа. Открытие японских портов для торговли и экстерриториальность поселений иностранцев напоминали подобные соглашения США и европейцев с Китаем. Отказ императора в Киото санкционировать этот договор можно считать началом революции, которая привела к власти монарха. Движение *сонно дзэи* таким образом привело к изгнанию прежде всего самого сёгуна из Эдосского дворца и водворение на его место императора»⁵³.

Вместе с тем, хотя Саркисов напрямую не затрагивает тему интеллектуального влияния Школы национальных наук в данном контексте работы, широко известно воздействие идей *кокугаку*, а также «школы Мито» на движение *сонно дзэи*. Таким образом, проводить прямые параллели между *кокугаку* и «почвенниками» тоже представляется затруд-

⁵³ Саркисов К. О. «От монархического конституционализма — к тоталитарной системе» // Япония в эпоху великих трансформаций / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2020. С. 26.

нительным. В связи с этим в настоящей работе при характеристике и использовании синонимов *кокугакуся* делается выбор в пользу более нейтрального и широкого термина «традиционалисты», нежели «почвенники». В англоязычной литературе представители *кокугакуха* нередко обозначаются как «нативисты» (*nativists*), однако прямой перенос этого термина русский не представляется целесообразным в смысловом плане.

Кого-то из японских мыслителей (например, Фукудзава) в научной литературе прямо характеризовали как «западника» в определенных отношениях. При этом стоит напомнить, что японские «западники» не относились к Западу не критично: тот же Фукудзава призывал учитывать как дифференциацию уровня развития разных стран внутри Запада, так и недавний характер западных достижений, не считая «цивилизованность» имманентной прерогативой Запада.

«Западные науки» и японские интеллектуалы между *бакумацу* и *Мэйдзи исин*

Как в отечественном, так и в зарубежном японоведении исследователями часто выделяется роль трех мыслителей и идеологов в формировании отношения к западным знаниям и их значения как для режима Токугава, так и для последующих реформ: это Сакума Сёдзан (1811–1864), Ёкои Сёнан (1809–1869) и ученик Сакума, Ёсида Сёин (1830–1859)⁵⁴. Безусловно, данный список неполный, поскольку можно перечислить и многие другие имена — например, Кога Кинъитиро, возглавившего сёгунский Институт изучения западных книг (*Бансё сирабэсё*), который был основан для сбора данных о западных странах после прибытия в Японию commodора Мэтью Перри и подписания договоров. Среди учеников Сакума, сочетавшего знание современного военного дела и «западных наук», были многие будущие члены вышеупомянутого просветительского общества «Мэйрокуся»: Като Хироюки, Цуда Мамити, Нисимура Сигэки и др. (о некоторых из них речь более подробно пойдет ниже). После реставрации Мэйдзи они определяли политику «цивилизации и просвещения», содействуя популяризации и внедрению формулы, предложенной Сакума: «восточная мораль, западные знания». Ученик

⁵⁴ *Верисоцкая Е. В.* Идейные предпосылки агрессивной политики... С. 260; *Swale A. D.* The Meiji Restoration. P. 33–34.

Сакума, правовед и государственный деятель Цуда Мамити активно проявил себя в законотворчестве, при этом испытал влияние как европейских, так и японских интеллектуальных традиций. Кроме того, Цуда, Като и Ниси Аманэ, сыгравшие важную роль в развитии японского конституционного права, были приглашены на работу в Институт изучения западных книг. Призыв Ёкои «распространять великие принципы во всем мире», как и другие его идеи, нашел свое отражение в обращении императора Мэйдзи сразу после свершения революции 1868 г. В свою очередь, учениками Ёсида Сёин считали себя многие крупные деятели пореформенной Японии, в частности один из основных реформаторов раннего периода Кидо Такаёси (напомним, считавшийся симпатизировавшим идеям *кокугаку*), первый премьер страны и один из основных авторов Конституции 1889 г. Ито Хиробуми, Ямагата Аритомо, создатель современной японской армии.⁵⁵

***Сакума Сёдзан и Цуда Мамити: «восточная мораль,
западная техника» и конституционализм***

Сакума Сёдзан родился в самурайской семье и получил солидный багаж «западных знаний», обучаясь в системе *рангаку* («голландской науки»). При этом он обладал высоким уровнем знания военного дела: когда корабли Перри бросили якорь в Урага, Сакума в течение суток оказался на месте для наблюдения как прибытия и убытия должностных лиц, так и для оценки боевого порядка и арсенала американских кораблей. Сакума был сторонником сёгунского правительства *бакуфу* и одним из его ценных советников, при этом активно выступая за внедрение западных военных знаний. По трагической иронии судьбы, его идеи опередили свое время: отправившись в Киото с секретным планом устроить переезд императорского двора в Эдо в 1864 г., одетый в западное платье Сакума был убит нанятыми для этой цели самураями из княжества Тёсю, требовавшими изгнания иностранцев⁵⁶.

С одной стороны, Сакума отмечал, что в современном мире традиционного японского и китайского знания недостаточно, поскольку необходимо изучать устройство управления на пяти континентах. По мнению Сакумы, три великих открытия — Колумбово прибытие в Новый Свет, учения Коперника и Ньютона о движении Земли и притяжении позволи-

⁵⁵ Верисоцкая Е. В. Идеиные предпосылки агрессивной политики... С. 260.

⁵⁶ Swale A. D. The Meiji Restoration. P. 32–33.

ли значительно улучшить условия жизни в Европе и США. С другой стороны, в памятной записке *бакуфу* Сакума высказывал идеи, говорившие о традиционной приверженности иерархичности: «...различия между благородным и низким, высшим и низшим суть законы этикета, основанные на природном пути неба и земли... Прежде всего на нашей царственной земле есть основательная причина строго блюсти различия между благородным и низким, высшим и низшим»⁵⁷.

Выступая в целом за «открытие» страны, Сакума отмечал, что японская национальная политика (*кокутай*) отличается от политик иностранных варваров, и по этой причине настаивал на сохранении некоторых церемониальных и протокольных обычаев. Сакума предложил ставший известным принцип «восточная мораль, западные знания» (*тоё дотокү сэйё гэйдзюцу*), что символизировало значительные препятствия, которые европейской культуре предстояло встретить по мере проникновения в Японию на исходе эпохи Эдо⁵⁸. Схожие идеи были близки интеллектуальному наставнику императора Мэйдзи — неоконфуцианцу Мотода Накадзанэ, который подчеркивал необходимость заимствовать у Запада естественно-научное и техническое знание, а в области морали — придерживаться заветов Конфуция и Мэн-цзы⁵⁹.

Концепция Сакума «восточная мораль, западные знания», сформулированная за несколько лет до реставрации Мэйдзи, отмечается исследователями в качестве вероятного прототипа ставшей популярной уже при Мэйдзи идеи *вакон ёсай*⁶⁰. Схожие идеи выдвигались и в Корее эпохи царства Чосон, и в цинском Китае. Так, корейский слоган звучал как «восточный путь, западные инструменты» (*дондо соги, 東道西器*), означая «принятие западных знаний при сохранении восточных ценностей», а аналогичным китайским понятием было «китайская основа, западная функция» (*чжунти сиюн 中体西用*), предполагавшее использование китайского знания как фундаментального, а западного — как прикладного. Однако, как будет показано ниже, при кажущейся схожести подходов к заимствованиям у европейцев и американцев со стороны трех восточноазиатских государств, темп модернизации в Японии при Мэйдзи оказался значительно выше, чем у Китая и Кореи того же времени.

⁵⁷ Maruyama M. Studies in the Intellectual History... P. 306.

⁵⁸ Ibid. P. 306–307.

⁵⁹ Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. С. 69.

⁶⁰ Молодяков В. Э. Консервативная революция Мэйдзи исин... С. 81.

Опосредованное влияние идей как Сакума, так и японских философов из других течений на японскую модернизацию можно показать на примере деятельности одного из учеников Сакума — правоведа и государственного деятеля эпохи Мэйдзи Цуда Мамити. Цуда происходил из самурайского рода и поначалу изучал «голландские науки» и военное дело у Сакума. Затем поступил на работу в упомянутый выше *Бансё сирабэсё* — сёгунский Институт западных книг. В 1863–1865 гг. Цуда и его одноклассник и коллега по институту Ниси Аманэ обучались в Нидерландах праву и юриспруденции у профессора Лейденского университета Симона Виссеринга. По возвращении в Японию Цуда опубликовал книгу *Тайсэй кокухо рон* («Теория западного конституционного права»), опирающуюся на лекции Виссеринга, ставшую одним из первых обсуждений западного права на японском языке и зафиксировавшую многие юридические термины, используемые в японской правовой терминологии и по сей день. Как отмечают исследователи Окубо Такэхару и Окубо Тосиаки, работа Цуда существенно повлияла на современную японскую политическую мысль и концепции государственного управления. По мнению Окубо Такэхару, это видно по тому, что труд Цуда вошел в основу трактата *Риккэн сэйтай ряку* («Очерк о конституционной политической системе»), написанного в эпоху реставрации Като Хироюки — как и Цуда, ученика Сакума и тоже впоследствии члена просветительского общества «Мэйрокуся». Като утверждал, что он первым сформулировал иероглифическую комбинацию *риккэн*, означавшую конституционное правление⁶¹.

В контексте нашего исследования интересно разнообразие интеллектуального багажа Цуда Мамити. С одной стороны, несомненно влияние на Цуда «голландских наук» *рангаку*. С другой — Цуда с детства изучал конфуцианство вместе с исследователем, официально нанятым княжеством и связанным с сёгунской академией в Эдо. Кроме того, Цуда очень глубоко интересовался учением Школы национальных наук и после переезда в Эдо не только обучался голландским наукам и военному делу у Сакума, но и поступил в учебное заведение, учрежденное описанным выше *кокугакуся* Хирата Ацутанэ, хотя и после смерти самого Ацутанэ⁶².

⁶¹ Okubo T. The Quest for Civilization: Encounters with Dutch Jurisprudence, Political Economy, and Statistics at the Dawn of Modern Japan / transl. by D. Noble. Leiden: Brill, 2014. P. 38–39.

⁶² Ibid. P. 24–25.

Ёсида Сёин: критика бакуфу и изгнание варваров

Среди учеников Сакума особую роль сыграл Ёсида Сёин (1830–1859), который основал школу *Сёкасондзюку* в княжестве Тёсю, где стал наставником японцев, впоследствии имевших большой вес в правительстве Мэйдзи: в частности, Ито Хиробуми, Ямагата Аритомо, Кидо Такаёси и Иноуэ Каору. Важным достижением Сёин стало формулирование прямых отношений между государством и японцами как его гражданами, подданными императора, — без посредничества или промежуточной роли сёгуната. Исходя из ценности распространения знаний и образования, а также выступая за меритократию, Сёин предложил реформу центрального правительства и замысел центра передовых исследований, который включал бы и изучение западных наук⁶³. После прибытия Перри Сёин попытался пробраться на борт американского корабля Поухатан с просьбой отправиться в США для обучения, однако ему отказали и сдали японским властям, которые приговорили его к заключению и затем к домашнему аресту.

При этом Сёин испытал сильное влияние идей *митогаку*, в частности поддержав движение *сонно дзёи* и передав ученикам склонность к монархистским идеям восстановления императорского правления и изгнания иностранцев. Вместе с тем позиция Ёсиды в отношении иностранцев отличалась важными нюансами, в конечном итоге оказываясь критикой сёгунского политического строя. Он отмечал, что на угрозу со стороны иностранных государств необходимо отвечать не только сооружением береговых укреплений, но и правлением для народа (*минсэй*), приводя нелюбимые для сёгунской Японии сравнения с западными странами. Сёин осуждал подавление сёгунатом «мудрых мнений» — то есть независимой критики — и перечислял многочисленные пороки современного ему японского государства и общества, считая их препятствиями для обороны страны от США: упадок закона и порядка, отсутствие правителей на совещаниях министров, безразличие высших сановников, меркантильность нижних правительственных чинов, в целом склонность членов правительства только и делать, что льстить и лебезить, и озлобленность обычных подданных⁶⁴.

Поначалу Сёин поддерживал концепцию сотрудничества императорского двора и бакуфу (*кобу гаттай*), характерную и для «школы Мито»,

⁶³ Swale A. D. The Meiji Restoration. P. 34.

⁶⁴ Maruyama M. Studies in the Intellectual History... P. 309, 359.

и выступал против идеи свержения сёгуната. Однако когда бакуфу подписало торговый договор 1858 г. без санкции императора, Сёин изменил позицию и стал выступать за свержение *бакуфу*⁶⁵. Год спустя Ёсида Сёин был казнен за покушение на жизнь одного из чиновников, посланного правительством к императору с целью заручиться поддержкой последнего в отношении договоров с западными державами.

***Ёкои Сёнан: западные идеи и «возврат к древности»...
в конфуцианстве***

Особую роль в интеллектуальном влиянии в последние годы сёгуна Такугава и в ходе реформ Мэйдзи на стыке идей *митогаку*, конфуцианства и западных идей сыграл Ёкои Сёнан (1809–1869), конфуцианский мыслитель родом из Кумамото, активно интересовавшийся западными учениями. Как отмечает И. В. Мельникова, Ёкои Сёнан был сторонником «открытия Японии» и реформ в экономике и образовании с упором на приоритет практических знаний и неортодоксальных направлений конфуцианской этики, интересовался международной политикой, а также ролью христианства в западном мире. Как и Сакума, Ёкои остро осознавал необходимость распространения западных научных и технологических знаний, хотя при этом в данном аспекте Ёкои интересовался совмещением военного мастерства с развитием торговли. В период *бакумацу* Ёкои был советником сёгуна Такугава и выступал за политическое объединение с императором, которого в то время поддерживала оппозиция. Когда проект объединения закончился неудачей, Ёкои вернулся в Кумамото и создал там школу своих последователей, сторонников идеи реформирования страны снизу, с опорой прежде всего на экономику и практические знания. Примечательно, что в 1866 г. Ёкои тайно отправил своих племянников учиться в США, и по возвращении один из них, Ёкои Дайхэй, способствовал открытию в Кумамото учебных заведений западного типа⁶⁶.

Хотя основной философской традицией, в которой работал Ёкои, было конфуцианство, он испытал значительное влияние идей «школы Мито», сочетавшей опору как на конфуцианство, так и на *кокугаку*. В частности, Ёкои обучался вместе и дружил с вышеупомянутым

⁶⁵ *Maruyama M.* Studies in the Intellectual History... P. 360.

⁶⁶ *Мельникова И. В.* Первые контакты Л. Н. Толстого с питомцами школы Досися // *Doshisha Studies in Language and Culture.* 2012. N 14 (2). P. 205.

Фудзита Токо, одним из основных представителей и лидеров «школы Мито», и положительно относился к концепциям *митогаку*. Более того, эти теории вдохновили реформаторскую деятельность Ёкои. Особое значение здесь имело различие, проводимое Фудзита между «оригинальными нормами, старыми прецедентами» (*сэнкаку корэй*) и «давнишними обычаями, старыми злоупотреблениями» (*рюдзоку кюэхэй*), которое Ёкои усвоил в результате общения с идеологами *митогаку*. Это различие послужило теоретическим обоснованием для необходимости проведения реформ в родном для Ёкои княжестве Кумамото. В Кумамото Ёкои открыл частную школу, в которой развивал идеи «единства науки и политики и успокоения народа с помощью экономики» (*гакусэй итти, кэйдзай аммин*). Влияние идей Ёкои испытали его коллега и упомянутый выше наставник императора Муцухито Мотода Накадзанэ, а также ученик Мотода — политик эпохи Мэйдзи Иноуэ Коваси, речь о котором пойдет ниже⁶⁷.

Спустя некоторое время вместе с соратниками Ёкои создал «Партию практической науки» (*Дзицугакуто*), которая выдвигала на первый план «учение, полезное в повседневной жизни» и осуждала изучение отвлеченных теорий, не связанных с повседневными потребностями. Партия стремилась осуществить финансовые и административные реформы с учетом знаний о странах Запада, придерживаясь принципа «практической науки». Согласно американскому японоведу Х. Харутюняну, этот принцип имеет различные идейные истоки, но в наибольшей степени Ёкои Сёнан опирался на мысли все того же Фудзита, считавшего, что «отказ от практичности» — одно из «четырёх великих злоупотреблений времени». Фудзита также отождествлял «практические науки» с осуществлением реформ в княжествах⁶⁸.

Как подчеркивает А. Суэйл, мысли Ёкои особенно занимала проблема объединения японской нации на моральном уровне. Он был в курсе роли, которую играли христианство и патриотизм в создании общей идентичности в западных странах, и считал, что в Японии не было аналогичного этоса, интегрировавшего бы население в той же степени. При этом Ёкои как не выступал за принятие христианства, так и не поддер-

⁶⁷ Swale A. D. The Meiji Restoration. P. 14.

⁶⁸ Совастьяев В. В. Общественно-политические взгляды Ёкои Сёнан // Известия Восточного института. 1997. № 5. С. 139–155; Harootian H. D. Toward Restoration: The Growth of Political Consciousness in Tokugawa Japan. Berkeley: The University of California Press, 1970. P. 331.

живал слепое поклонение императору. Поняв нюансы современной ему проблемы гражданской принадлежности, он осознавал, что любое решение потребует соответствия внутренним культурным особенностям японцев⁶⁹. Позднее, необходимость тщательно изучать роль религии в западном государственном управлении отмечал (с удивлением наблюдая важность религии для западной политики) конфуцианец по взглядам Кумэ Кунитакэ, один из участников миссии Ивакура 1871–1873 гг.⁷⁰, оставивший многотомное описание этого японского «великого посольства». Практическое же воплощение внедрения западных институтов в данной области проявилось в переизобретении традиций — создании государственного синто при Мэйдзи и других реформах, связанных с ролью императора в политической и религиозной жизни страны. Кроме того, по мнению Ватанабэ Хироси, Ёкои служил примером того, что для Японии открытие страны не было сугубо унижительной капитуляцией перед угрозой превосходящей военной мощи западных стран, а хотя бы в некотором отношении токугавская Япония сама решила открыться современному Западу на основе неких «универсальных принципов». В частности, Ёкои призывал к открытию «принципов, общих для всего мира» (*дзэнсэкай но дори*) путем «обсуждения всем земным шаром» (*тикюдзё но дзэнрон*)⁷¹.

Основной, наиболее известной работой Ёкои считается трактат 1860 г. *Кокудзэ Санрон*, что в переводе означает «Три учения о радении в пользу государства» (вариант: «Три проблемы национальной политики»). Что примечательно, будучи конфуцианцем, Ёкои оппонировал современному ему неоконфуцианству, доминировавшему в качестве идеологии Токугава. В итоге в некотором роде подобно тому, как кокугакуся в критике «китайщины» обращались к японской древности, Ёкои стал искать путей возврата к китайской древности — пути Конфуция и совершенномудрых императоров Яо и Шуня, — в которых он усматривал политику с общественным духом (*кокё но сэй*), основанную на концепции всеобщего Неба (*тэн*) и эгалитарного идеала человечества (*дзин*).

⁶⁹ Swale A. D. The Meiji Restoration. P. 33.

⁷⁰ Kume K. Japan Rising. The Iwakura Embassy to the USA and Europe 1871–73. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 98–99; Pyanova E. Experiencing the West: Observation by Kume Kunitake on the Status of Religion in Russia of 1873 // Journal of Islamic Studies (Waseda University). 2011. N 7. P. 1–10.

⁷¹ Ватанабэ Х. Нихон сэйдзи сисо:си: 17–19 сэйки. Токио: Издательство Токийского университета. С. 363–381; цит. по: Okubo T. The Quest for Civilization. P. 179.

В результате он одним из первых активно заинтересовался западными парламентскими системами, предлагая учредить совещательные собрания, что потом нашло воплощение в императорской Клятве из Пяти пунктов. Поначалу поддерживая идеи *кокутай* «школы Мито», Ёкои впоследствии отвернулся от них: прочитав в китайских книгах о британской парламентской системе и республиканском строе в США, он их оценил положительно, поскольку усмотрел в следовании общественному благу и использовании моральных принципов сходство с правлением мудрецов в древнем Китае, таким образом поместив их в конфуцианский контекст⁷².

Императорская клятва из Пяти пунктов (*гокадзё-но госэймон*) представляла из себя принципы, которые японский император Мэйдзи официально объявил в третий месяц первого года своего правления в 1868 г. Текст ее гласит следующее:

«1. Публичные собрания будут организуемы и административные дела будут решаемы по общему совещанию.

2. Правители и управляемые одинаково должны посвящать себя благу народа.

3. Все военные или гражданские чины имеют поощрять личную предприимчивость во всех сословиях и побуждать к проявлению живой деятельности.

4. Господствовавшие доселе дурные обычаи будут смягчены.

5. Из внешнего мира будут заимствованы полезные сведения, и таким путем будут укреплены основы империи»⁷³.

Как было указано выше, в утверждении текста Клятвы в целом ведущая роль приписывается одному из ключевых реформаторов первой декады правления Мэйдзи — Кидо Такаёси, испытавшего влияние идей *кокугаку*. В частности, Кидо принадлежит авторство пункта № 4. Однако важно отметить, что итоговый вариант стал результатом обсуждений различных направлений политической мысли. В частности, по мнению

⁷² Kimura T. Premodern Ideas “kokutai”... P. 468; Okubo T. The Quest for Civilization. P. 37–38. При этом Ёкои положительно упоминал и современную ему Россию, то есть Российскую империю 1850-х гг., в числе государств, где основаны школы и военные академии, больницы, приюты для сирот и школы для глухих и немых.

⁷³ Авторы перевода: М. А. Шрейдер, С. Г. Займовский. Источник: Стэд А. Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов, собранных и отредактированных А. Стэдом. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Провещение», 1906.

исследователя А. Суэйла, текст является в некотором роде своего рода резюме трактата *Кокудзэ Санрон* авторства Ёкои Сёнан, учитывая существенную роль в составлении текста ученика Ёкои — Мацуока Хатири⁷⁴.

Еще одним примером интеллектуального влияния *митогаку* и изучавших японскую древность, а также упомянутого выше мыслителя Ёкои Сёнан на японскую политическую модернизацию являлась работа над проектом уже японской Конституции эпохи Мэйдзи в конце XIX в. — в частности, взаимодействие правительственного чиновника Иноуэ Коваси и первого премьер-министра Японии Ито Хиробуми. Согласно исследователю Кимура Такаси, Иноуэ в юности общался с Ёкои и прочитал множество классических японских документов, бывших объектом изучения *кокугаку*, таких как «Кодзики», «Нихон-сёки», «Когосюи», «Манъёсю» и т. д. Он также изучал трактаты «Дайнихонси» и «Санрон», написанные в «школе Мито» — центре идей *кокутай*⁷⁵. Интеллектуальное влияние Ёкои на Иноуэ Коваси отмечал и американский исследователь Мариус Янсен⁷⁶. В том, что касается идей *митогаку* и *кокугаку*, Иноуэ и уже упоминавшийся коллега Ёкои, Мотода Накадзанэ, сыграли важную роль в составлении основополагающего документа образовательной и идеологической политики Мэйдзи — Императорского рескрипта об образовании 1890 г., где нашла воплощение в том числе концепция *кокутай*.

Были отражены идеи *кокутай* и в Конституции 1889 г., где японцы, по сути, «оформлялись» как политическая нация. Сам Ито Хиробуми позже написал подробные комментарии к каждой статье мэйдзийской Конституции, состоящие из большого количества цитат из классических историко-мифологических книг и сборников поэм «танка» древней и средневековой Японии, как и «Нихон-сёки», «Манъёсю», «Кодзики» и др. Таким образом, между Ито и Иноуэ имел место значительный интеллектуальный обмен при создании нового проекта Конституции, в рамках которого они сотрудничали. Иноуэ Коваси изучал различные типы европейских конституционных систем во время своего пребывания во Франции и Берлине и, как и Ито Хиробуми, симпатизировал германскому типу конституционного строя, а не остальным западноевропейским типам. Иноуэ считал, что внедрение, например, «Кодекса Наполеона» без учета уникальных особенностей японской культуры будет катастрофой. В результате Иноуэ по-

⁷⁴ Swale A. D. The Meiji Restoration. P. 33–34.

⁷⁵ Kimura T. Premodern Ideas “kokutai”... P. 473.

⁷⁶ Jansen M. B. The Making of Modern Japan. P. 390.

могал Ито вести политическую борьбу со сторонниками проекта Конституции британского типа в мэйдзийском правительстве⁷⁷.

Сам Ито при обсуждении проекта Конституции отмечал, что европейская конституционная политика начала формироваться более тысячи лет до реставрации Мэйдзи, и европейские народы, имея точное представление о конституционной системе, находились под сильным влиянием своей религии, которая в конце концов слилась с политикой в одно целое. В Японии же, по словам Ито, не было такой влиятельной религии и ни одна из религиозных конфессий не могла быть заложена в основу государства. Буддизм ослаб, потеряв былое влияние, а синтоизм передавал учения предков, но был недостаточно силен, чтобы привлекать сердца людей. Из этого положения Ито выводил, что в Японии ядром государства должна быть только императорская семья, и в результате этого первоначальный проект Конституции не ограничивал имперскую власть⁷⁸. Эти мысли характерны для философии, которой придерживался Ито в своем премьерстве, — постепенности преобразований, известной также, как *дзэнсинсюги*, или градуализм⁷⁹.

«Медленно, но верно»: проявления постепенности в темпе реформ

Начиная с 1873 г. многие политические группы, не вошедшие в состав правительства, в том числе высокопоставленные чиновники, из него исключенные, требовали скорейшего принятия Конституции. Политическая оппозиция, интеллектуалы и богатые фермеры присоединились к выражающему интересы этих групп Движению за свободу и права людей, которое распространилось на всю страну. Правительство жестко действовало по отношению к этому движению, а сторонники ранней Конституции также временами проявляли насилие. Между тем большинство высших правительственных чиновников хотели действовать постепенно. Они утверждали, что, поскольку японцы были лишь «полуразвитыми», необходима тщательная подготовка и для Японии подходит постепенность, а не радикальные изменения. Многие интеллектуалы и прогрессивные политики поддерживали идею британской

⁷⁷ Kimura T. Premodern Ideas “kokutai”... P. 472–473.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Swale A. D. The Meiji Restoration. P. 159.

конституционной системы, однако консервативные политики в правительстве предпочитали германскую модель. Последние опасались, что, если будет предоставлено слишком много свободы, но политические взгляды людей останутся примитивными, это приведет к насилию и нестабильности. Они указали на насилие, бушевавшее после Французской революции, как на то, чего следует избегать любой ценой.

В связи с этим заслуживают внимания противоположные мнения видных мыслителей и деятелей мэйдзийского правления Окубо Тосимити и Фукудзава Юкити. Вернувшись домой после миссии Ивакура в Америку и Европу, министр финансов Окубо в 1873 г. представил правительству предложение о конституционной политике, основные аргументы которого можно резюмировать примерно следующим образом. Демократия и монархия, по Окубо, имеют свои достоинства и недостатки; в идеале демократия намного лучше, но реальное практическое действие демократии часто омрачается партийной политикой и в худшем случае тиранией большинства над меньшинством. С другой стороны, согласно Окубо, монархия хорошо функционирует, если люди не просвещены, а монарх демонстрирует превосходные качества, но граждане станут очень страдать, если коррумпированные чиновники будут преследовать свои личные интересы под властью жестокого правителя. По сравнению с Великобританией, по мнению Окубо, Япония оставалась полуразвитой и не могла легко избавиться от феодальных порядков: монархия осталась в прошлом, но японцы еще не были готовы к демократии. По этой версии, центральное правительство должно было иметь твердую власть на тот момент, чтобы проводить смелые реформы. Таким образом, по мнению Окубо, наиболее практичная система, которую могла принять Япония, — это конституционное правление, основанное на постепенности, которая соответствует темпу общественных перемен, то есть конституционная монархия⁸⁰.

Между тем Фукудзава, виднейший просветитель и мыслитель эпохи Мэйдзи, в своем «Очерке теории цивилизации» 1875 г. рассуждал несколько иным образом. Страны, по его мнению, можно было разделить на «цивилизованные», «полуразвитые» и «варварские», а Япония относилась ко второй группе. Демократия и монархия имеют свои достоинства и недостатки. Наивысшим приоритетом для Японии на тот момент было предотвращение колонизации западными державами и сохранение

⁸⁰ *Ohno K.* The History of Japanese Economic Development: Origins of Private Dynamism and Policy Competence. London: Routledge, 2018. P. 42.

независимости (в этом смысле взгляды Фукудзава совпадают со взглядами Окубо и не являются уникальными). Для достижения этой великой цели Япония должна была, согласно Фукудзава, отказаться от прошлых традиций и обычаев и активно внедрять достижения западной цивилизации, которые имеют два аспекта: технический и духовный. По мнению Фукудзава, техническое легко скопировать, а духовное усвоить сложнее, поэтому он предлагал «преследовать трудное сначала, а потом легкое»; сначала реформировать сознание людей, затем изменить политику и законы и, наконец, внедрять материальные аспекты. Другими словами, стратегия Окубо заключалась в разработке новой политики и институтов, принимая «отсталую» духовность людей как данность, в то время как Фукудзава в приоритетном порядке хотел сначала преобразовать духовную структуру нации. Здесь наблюдался контраст между прагматизмом Окубо, высокопоставленного чиновника, и идеализмом Фукудзава как мыслителя-просветителя⁸¹.

Важно понимать при этом и контекст идей Фукудзава, где заимствования не были самоцелью. По мнению японского исследователя Яги Киитиро, Фукудзава Юкити подчеркивал, что развитие и оцивилизация Японии были прежде всего средством для конечной цели — поддержания независимости страны в условиях угрозы со стороны западных государств. Так, в том, что касается экономики, Фукудзава в своих размышлениях адаптировал тогдашние западные либеральные экономические теории к реальным условиям Японии того времени. Он выступал за создание в Японии среднего класса, который продвигал бы японскую экономику и создавал бы баланс сил между правительством и населением. В рамках данной модели правительство отвечало бы за законодательство и общенациональную политику, а частный сектор — за сотрудничество с ним и реализацию собственных инициатив⁸².

Историк Мариус Янсен усматривал проявления градуализма как в процессе составления вышеописанной Клятвы пяти пунктов Мэйдзи, так и в написании уже послевоенной Конституции Японии. Итоговая редакция текста Клятвы свидетельствовала о поступательном подходе

⁸¹ Ibid.

⁸² *Yagi K. Japanese Theory of Industrialization/Modernization: Between Liberalism and Developmentalism // Systemic Changes in the German and Japanese Economies: Convergence and Differentiation as a Dual Challenge / ed. by W. Pascha. London: Routledge, 2004. P. 16–32; Тимонина И. Л. Предпринимательская структура и корпоративное управление в Японии // Япония: опыт модернизации. С. 144–166.*

и равенстве. Понятия «общее совещание» и «публичные собрания» означали сотрудничество между главами крупных княжеств. Упоминание о «всех сословиях» намекало на продолжение существования сословий, а упоминание роли гражданских и военных чинов напоминало об их привилегированной роли в недавнем прошлом. Заимствование полезных сведений из внешнего мира указывало на перемены, но и они были направлены на укрепление императорского правления⁸³. Формулировки носили подчеркнуто общий и туманный характер, на практике их можно было наполнить любого рода содержанием.

Отказываясь в тщательно подобранных выражениях от своего божественного происхождения в 1946 г., император Хирохито сделал отсылку к клятве Мэйдзи — своего деда — как к основе государственной политики, в частности говоря о необходимости устранения ошибочных подходов из прошлого. В эпоху Мэйдзи, как указывает Янсен, клятва поначалу успокаивала феодальную элиту в стремлении к правосудию и справедливости и только потом стала восприниматься как провозвестник новаций. Отсылка к ней со стороны императора Хирохито, в свою очередь, указывала на характер его роли. Когда послевоенные дискуссии между японцами и американским оккупационным правительством затронули тему новой Конституции, проекты принца Коноэ Фумимаро, призывавшего к постепенности и сохранению некоторых традиций в реформах институтов, были в итоге отвергнуты, однако японских консерваторов заверили, что принципы *кокутай* будут сохранены в окончательной редакции нового Основного Закона. В итоге суверенитет воплощался в гражданах, а император становился символом единства нации, теряя политические прерогативы⁸⁴.

Вместе с тем в понятие градуализма в японском случае может вкладываться разный смысл, а одни и те же реформы могут трактоваться и как стремительно-радикальные, и как постепенные: причем как в эпоху Мэйдзи, так и в послевоенный период (экономическая стабилизация, где Макартур выступал за постепенность в противовес радикальным решениям, налоговая реформа по плану Шоупа)⁸⁵.

⁸³ Jansen M. B. The Making of Modern Japan. P. 458.

⁸⁴ Ibid. P. 670–671.

⁸⁵ Ohno K. The History of Japanese Economic Development. P. 123; Мурашкин Н. Ю. От Эдо к Мэйдзи. С. 31–32. Подробнее о разных трактовках японского градуализма см.: Murashkin N., Varpahovskis E. The Role of Development Models in Japan's and Korea's Relations with Central Asia: Discourses and Practices // Journal of Eurasian Studies. 2022. N 13 (2). P. 180–199 (<https://doi.org/10.1177/18793665221123597>).

Реформы первого десятилетия Мэйдзи привели к протестам и восстаниям по всей стране из-за существенно возросшего бремени на население. В свою очередь, чтобы справиться с волнениями, правительство пошло на значительные финансовые траты, в конечном счете приведшие к политике дефляции и увеличения налогов. Эти и другие аспекты налоговой политики привели к обеднению многих и уменьшению количества фермеров-землевладельцев. Такие стремительные темпы преобразований Мэйдзи вызвали критику со стороны цинского Китая и Кореи за поспешность западных заимствований. Напротив, в Китае цинская династия провела реформы, ставшие известными как «реставрация Тунчжи» в 1860-х и начале 1870-х гг. Китай тогда преимущественно сосредоточился на военных и промышленных реформах, сохраняя существующие государственные институты и пытаясь выстраивать отношения с Западом. К институциональной реформе Китай всерьез отнесся только после поражения в Японо-китайской войне 1894–1895 гг., попробовав ввести конституционную монархию в духе Германии и Японии.

Значительно отличались Япония и Китай того времени и в методах и темпах пересмотра неравноправных договоров. В Японии правительство ускорило подготовку правовой системы, приняв уголовный кодекс в 1880-х гг., гражданский кодекс в 1890-м и Конституцию в 1889-м. Вдобавок к этой правовой подготовке правительство стремилось пересмотреть договоры путем создания институтов современного государства, политики «цивилизации и просвещения» и дипломатических переговоров. В итоге учреждение японского парламента стало трамплином для соглашения с Британской империей по отмене законов об экстратерриториальности в 1894 г. В случае Китая политика пересмотра неравноправных договоров пришлось на период после поражения в войне с Японией — конец 1890-х — начало 1900-х⁸⁶. Таким образом, степень градуализма реформ Мэйдзи была относительной и зависела от различных трактовок.

Заключение

Как было показано выше, идеи Школы национальных наук и «школы Мито», номинально направленные на возвращение к «золотому веку» японской древности, на очищение японской философии и общественной жизни от китайского влияния, а самой Японии — от западных «варваров»,

⁸⁶ *Kawashima S.* Prologue. P. 4–5.

оказали в конечном итоге прогрессивное воздействие на развитие страны за счет способствования становлению национального самосознания и на оформление Японии как современного («модерного») государства-нации, сохранившей свою независимость и субъектность. При этом разные представители и последователи этих идей находились в динамическом и противоречивом, но далеко не обязательно строго оппозирующем взаимодействии с идеями «открытия страны» и иностранных заимствований путем изучения западных знаний — этому во многом способствовал как прагматизм некоторых философов-популяризаторов, так и эволюция политиков, а также готовность многих, хотя и не всех представителей и тех и других, к адаптации в новой среде. Менялись как само учение *кокугаку* и вдохновленное им и *митогоаку* движение *сонно дзэи*, так и характер влияния этих идей на политику японского общества и воплощение в государственных реформах Мэйдзи на разных этапах.

Как отмечает А. Суэйл, те консерваторы, кто оказались на ведущих ролях в мэйдзийских правительствах, не были закоренелыми ортодоксами в плане своих взглядов, а понимали неизбежность новых институциональных структур для государственного управления и неосуществимость реставрации императорских учреждений из прошлого без каких-либо оговорок или ограничений. Однако при этом интерес их заключался, скорее, в создании общенационального этоса, который бы выражал моральную суть японской императорской традиции, и распространении этого этоса на всех без исключения граждан. Таким образом, подчеркивает Суэйл, это было современное, «модерное» решение современной же, «модерной» проблемы. Ссылаясь на работы теоретиков «изобретенной традиции» Б. Андерсона и Э. Геллнера, Суэйл также подчеркивает, что необходимым условием современного (в значении «модерного», относящегося к Новому времени) национального государства являлась высокоинтегрированная массовая культура и образовательный аппарат, который бы способствовал (в идеальном выражении теории) аккультурации всех граждан. Однако при этом не постулировалась неизбежность или обязательность того, что новая конфигурация будет непременно либеральной или универсалистской в идейном плане — как раз возможным становилось установление квазиолигархической структуры с антииндивидуалистским этосом в обществе при параллельном внедрении некоторых западных институтов и индустриализации⁸⁷.

⁸⁷ Swale A. D. The Meiji Restoration. P. 179–180.

Список часто употребляемых японских выражений

Бакумацу (幕末) — заключительный период правления сёгуната Токугава в 1853–1867 гг.

Бакуфу (幕府) — сёгунское правительство.

Буммэй кайка (文明開化) — «цивилизация и просвещение»; термин, придуманный интеллектуалом Фукудзава Юкити и описывавший преобразования эпохи Мэйдзи, связанные с ознакомлением Японии с плодами европейской цивилизации и внедрением заимствований и технологий из Европы и Северной Америки.

Вакон ёсай (和魂洋才) — «японский дух, европейские знания» (вариант: «европейские технологии»); принцип заимствования западных знаний в ходе модернизации Мэйдзи с опорой на японское самосознание и в гармонии друг с другом.

Вакон кансай (和魂漢才) — «японский дух, китайские знания»; выражение эпохи Хэйан (794–1185), сопровождавшейся ослаблением китайского культурного влияния и расцветом национальной японской культуры.

Кангаку (漢学) — «китайские науки»; конфуцианство, китайская литература и другие области знания, связанные с Китаем.

Кокугаку (国学) — «национальные науки»; направление общественной мысли Японии в XVIII–XIX вв.

Кокугакуся (国学者) — последователи учения кокугаку.

Митогакү (水戸学) — учение «школы Мито», направления общественной мысли Японии в XVIII–XIX вв.

Сёкусан когё (殖産興業) — «увеличивать производство, продвигать промышленность»; политика поощрения создания новых отраслей промышленности и в целом промышленного производства в преимущественно сельскохозяйственной до этого Японии.

Сонно дзёи (尊王攘夷) — «уважение императору — изгнание варваров»; лозунг противников сёгуната Токугава в 1850–1860-е гг. после заключения *бакуфу* неравноправных договоров и объединения его оппонентов вокруг фигуры императора.

Фуко (復古) — восстановление старинных обычаев, древности, старого порядка: один из лозунгов противников сёгуната Токугава.

Фуоку кёхэй (富国強兵) — «богатая страна, сильная армия»; слоган эпохи Мэйдзи, выражавший идею обогащения Японии за счет внедрения промышленного капитализма и усиления армии путем создания современных вооруженных сил, основанных на призыве, а не на самурайском сословии.

Литература

Балаян А. А. Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции, Японии и Польши. Препринт М-07/09. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009.

Ватанабэ Х. Нихон сэйдзи сисо:си: 17–19 сэйки. Токио: Издательство Токийского университета, 2010.

Ватанабэ Ц. Киккава Тадаюки и Тадаясу // Акита дайхяккадзитэн (Энциклопедический словарь Акита). Акита: Сакигакэ Симпося, 1981.

Верисоцкая Е. В. Идеиные предпосылки агрессивной политики японского империализма (Из истории учений японских идеологов 40–60-х годов XIX в.) // Япония: Экономика, политика, история. М.: Наука, 1989.

Герасимова М. П. Диада «литература/общество» в контексте модернизации // Япония: опыт модернизации / рук. проекта Э. В. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2011.

«Киккава Тадаюки», Нихон дай хяккадзэнсё (Энциклопедия Ниппоника). Токио: Сёгаккан, 1994–1997; <https://kotobank.jp/word/%E5%90%89%E5%B7%9D%E5%BF%A0%E8%A1%8C-1069647>.

Мельникова И. В. Первые контакты Л. Н. Толстого с питомцами школы Досия // Doshisha Studies in Language and Culture. 2012. N 14 (2), P. 191–208.

Мецержаков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2009.

Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага и японская национальная идея: избрание или реальность? // Восток-Oriens. 1995. № 46. С. 59–70.

Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага. Жизнь и творчество (из истории общественной мысли Японии XVIII в.). М.: Наука, 1988.

Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Восточная литература, 1999.

Молодяков В. Э. Консервативная революция Мэйдзи исин и модернизация Японии // Япония: опыт модернизации. М.: АИРО-XXI, 2011.

Молодяков В. Э. Непрошедшее прошлое. СПб.: Нестор-История, 2019.

Мурашкин Н. Ю. От Эдо к Мэйдзи: Предпосылки, развилки и парадоксы японской модернизации. Препринт М-86/21. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.

Накорчевский А. А. Синто. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003.

Сакамото К. Мэйдзи сёнэн ни окэру кокугакуся но сэйдзитэки доко — Сайсэй итти кокка но косо о мэгуттэ // Кокугакуин дзасси. Август 1992. № 40, С. 1–21.

Сакамото К. Мэйдзи исин то кокугакуся. Токио: Даймэйдо, 1993.

Саркисов К. О. «От монархического конституционализма — к тоталитарной системе» // Япония в эпоху великих трансформаций / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2020.

Скворцова Е. Л. Западный ветер перемен в Стране восходящего солнца // Человек. 2017. № 4. С. 52–66.

Скворцова Е. Л. Японская национальная культура и японская идентичность в работах философов XX в. // Восток (Oriens). 2015. № 4. С. 85–95.

Совастеев В. В. Общественно-политические взгляды Ёкои Сёнан // Известия Восточного института. 1997. № 5. С. 139–155.

Стэд А. Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов, собранных и отредактированных А. Стэдом // пер. М. А. Шрейдер, С. Г. Займовского. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1906.

Тимонина И. Л. Предпринимательская структура и корпоративное управление в Японии // Япония: опыт модернизации. С. 144–166.

Травин Д. Я. «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

Япония в эпоху великих трансформаций / под ред. Д. В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2020.

Япония: опыт модернизации / рук. проекта Э. В. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2011.

Ясумару Ё. Киндай тэнканки ни окэру сюкё то кокка // Нихон киндай сисо тайкэй. Т. 5: Сюкё то кокка. Токио: Иванами сётэн, 1988.

Burns S. L. Before the Nation: Kokugaku and the Imagining of Community in Early Modern Japan. Durham, NC: Duke University Press, 2003.

Eisenstadt S. N. Japanese Civilization: A Comparative View. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.

Fukuzawa Y. An Outline of a Theory of Civilization / transl. by D. A. Dilworth, G. C. Hurst III. New York: Columbia University Press, 2009.

Harootunian H. D. Toward Restoration: The Growth of Political Consciousness in Tokugawa Japan. Berkeley: The University of California Press, 1970.

Jansen M. B. The Making of Modern Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.

Kawashima S. Prologue // Kokubun R., Soeya Y., Takahara A., Kawashima S. Japan — China Relations in the Modern Era. Abingdon: Routledge, 2017.

Keene D. Emperor of Japan: Meiji and His World, 1852–1912. New York: Columbia University Press, 2002.

Keene D. The Japanese Discovery of Europe, 1720–1830. Revised Edition. Redwood City: Stanford University Press, 1969.

Kimura T. Premodern Ideas “kokutai” as Essential Elements of Modernization in Japanese Historical Process // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2020. № 11 (4). P. 463–479; <https://doi.org/10.21638/spbu13.2019.404>.

Kokubun R., Soeya Y., Takahara A., Kawashima S. Japan — China Relations in the Modern Era. Abingdon: Routledge, 2017.

Kume K. Japan Rising. The Iwakura Embassy to the USA and Europe 1871–73. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

Murayama M. Studies in the Intellectual History of Tokugawa Japan / transl. by M. Hane. Tokyo: University of Tokyo Press, 1974.

Matanle P., Rausch A. S. Japan’s Shrinking Regions in the 21st Century: Contemporary Responses to Depopulation and Socioeconomic Decline. Amherst, NY: Cambria Press, 2011.

Murashkin N., Varpahovskis E. The Role of Development Models in Japan’s and Korea’s Relations with Central Asia: Discourses and Practices // Journal of Eurasian Studies. 2022. N 13 (2). P. 180–199 (<https://doi.org/10.1177/18793665221123597>).

Ohno K. The History of Japanese Economic Development: Origins of Private Dynamism and Policy Competence. London: Routledge, 2018.

Okubo T. The Quest for Civilization: Encounters with Dutch Jurisprudence, Political Economy, and Statistics at the Dawn of Modern Japan / transl. by D. Noble. Leiden: Brill, 2014.

Pyanova E. Experiencing the West: Observation by Kume Kunitake on the Status of Religion in Russia of 1873 // Journal of Islamic Studies (Waseda University). 2011. N 7. P. 1–10.

Swale A. D. The Meiji Restoration: Monarchism, Mass Communication and Conservative Revolution. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009.

Tuck R. The Sleeping Sovereign. The Invention of Modern Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2016; <https://doi.org/10.1017/CBO9781316417782.003>.

Wachutka M. Kokugaku in Meiji-period Japan. The Modern Transformation of ‘National Learning’ and the Formation of Scholarly Societies. Leiden: Brill, 2013.

Yagi K. Japanese Theory of Industrialization/Modernization: Between Liberalism and Developmentalism // Systemic Changes in the German and Japanese Economies. Convergence and Differentiation as a Dual Challenge / ed. by W. Pascha. London: Routledge, 2004. P. 16–32.

Николай Юрьевич Мурашкин

**Консерватизм, традиции, заимствования и японская
модернизация: Роль интеллектуалов и основных направлений
общественной мысли**

Препринт М-95/23

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 13.01.2023.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.